

«Бедная девочка».

Несмотря на это, её влюблённость в Эйли была на максимуме. Кроме того, когда она осознала печальное положение своей невестки, в сердце Минервы расцвело сильное желание заботиться об Эйли.

— Девочка выглядела очень испуганной, нужно приготовить лекарство для неё. Эйли и так кожа да кости, что, если она упадёт в обморок от сегодняшних событий?

Минерва была искренне этим озабочена. Конечно же, Эйли была худой, но не тощей. Просто все люди из эрцгерцогства, включая Минерву, обладали крепким телосложением и более развитой мускулатурой, чем у обычного человека, поэтому им всем это казалось странным.

«Я буду медленно с ней сближаться, пока буду обучать её».

Внезапно Минерве пришла в голову другая мысль.

«Разве обязательно Эйли играть роль эрцгерцогини? Разве не может её сын, который до сих пор не слушается её, даже вернувшись с войны, взять на себя всю работу? Невестка слабая, вдруг она упадёт в обморок? Нет, такого нельзя допустить».

Минерва решила, что такая работа будет полезна для её сына. А сама она сможет спокойно жить в особняке с невесткой, налаживая отношения, ни на что не отвлекаясь. Минерва была в восторге, что нашла способ не только спасти своего сына, но и сделать невестку счастливой.

* * *

С другой стороны, в комнате для новобрачных, где должна была царить счастливая атмосфера, было очень холодно. В глазах Эйли было глубокое отчаяние. Для человека, который на неё смотрел со стороны, казалось, что её сердце разрывается, и она не может скрыть своего беспокойства.

«Если тебе так больно говорить о разводе, зачем ты вообще упомянула о нем? Интересно, она сама об этом знает?»

Дайкин попытался сделать вид, что ничего не услышал.

— Эйли, ты голодная? — промурлыкал он и нежно взял её за руку. — Ты, должно быть, проголодалась, но сама этого не замечаешь.

Продолжил дружелюбно Дайкин. Но Эйли не собиралась отступать. Она снова заговорила о

разводе с бледным лицом.

— Не меняй тему. Разведись со мной...Дайкин.

Дайкин вздохнул и поджал губы.

«Вчера она просила о разводе, и сегодня говорит то же самое с умирающим лицом. Куда делась жена, которая совсем недавно здоровалась со мной со смущением на лице? Почему ты снова просишь меня о разводе?»

Спокойный взгляд Дайкина не отрывался от Эйли.

—...Кажется, всё это время ты была с мамой. Она наговорила тебе какой-то чуши? Я сейчас же поговорю с ней.

— Это не так, — бледные губы Эйли задрожали.

«Она окружила меня любовью, которую я не заслуживаю».

Эйли даже стало больно от того, что за неё беспокоились.

— Твоя мама хорошо ко мне отнеслась. Я очень за это благодарна. Я прошу развода не из-за твоей мамы, — добавила она, потому что переживала, что Дайкин неправильно поймёт и разозлится. Потому что Эйли не хотела портить их отношения понапрасну.

Дайкин прищурился. Женщина, которую он любил так сильно, что был готов отдать за неё жизнь, была напугана, но, похоже, она не лгала. Тем не менее он всё равно собирался опросить слуг, которые были рядом, и навестить свою мать.

«Сделаю это позже».

Тогда ему надо точно выяснить, почему Эйли так хочет развестись с ним и почему именно сейчас.

— Я не понимаю, почему ты хочешь развестись со мной?

При слове «развод» лицо Эйли напряглось, а затем расслабилось. Дайкину, который не упускал ни малейшей её микрореакции, не составило труда заметить едва заметную перемену. Она просила развода, но сама при этом слове меняется в лице.

Дайкин задал ей вопрос, допуская, что такое может быть, но желая, чтобы это было не так. Он

нервничал, даже думая об этом.

— У тебя появился мужчина? — Дайкин улыбался, но в глазах его было лёгкое безумие. — Просто скажи мне. Я, по крайней мере, буду подражать ему.

«Но не могу гарантировать, что этот человек останется в живых».

Всё, что ему надо, — просто быть похожим на этого мужчину.

Эйли, неспособная понять мысли Дайкина, была смущена его словами.

«Почему он внезапно заговорил о мужчине?..»

Она чувствовала себя озадаченной из-за вопроса, но это было неважно. Эти слова тут же вылетели у Эйли из головы.

— Я-я не подхожу этому месту.

«Неужели всегда было так сложно произносить слова?»

Говорить о том, что она ничтожество перед любимым человеком, оказалось труднее, чем думала Эйли. Но она должна была. Эйли не хотела, чтобы Кин разрушил свою жизнь из-за неё.

— Я ничего не знаю, я ничему не училась.

Аккуратные брови Дайкина дёрнулись вверх, а затем опустились вниз.

— Я не знаю, ни как управлять поместьем, ни как вести себя в обществе, — продолжила Эйли.

В глазах Дайкина читалось: «И что?».

К этому времени в Эйли уже или разочаровывались, или смотрела на неё холодным взглядом. Но Дайкин никак не отреагировал. Казалось, что этого недостаточно, и он ждёт, когда она назовёт настоящую причину для развода. Дайкин не собирался разводиться с ней только из-за того, что она бесполезна. Поэтому Эйли добавила со слегка смущённым видом.

— Кроме того, я не могу иметь детей. Мое тело не способно родить. Граф тебя обманул, чтобы продать меня замуж. Тебя обвели вокруг пальца.

Бесплодие, женское или мужское, было самой важной проблемой в браке аристократов. Это

настолько большой недостаток, что некоторые вступают в брак, не сообщая об этом, но, если их ловят, то этого основания достаточно, чтобы объявить брак фиктивным и развестись. А сама семья могла быть социально похоронена.

Эйли сказала, что не может иметь детей. Её голос дрожал, но она договорила до конца. Её положение было настолько печальным, что Эйли даже рассмеялась. Она никогда не слышала, что люди могут смеяться, когда им грустно.

— Но с твоим телом всё в порядке. После того, как ты быстро со мной разведёшься, ты сможешь встретить другую хорошую молодую леди...

— Эйли.

— Я желаю вам всего наилучшего...

— Эйли Блэшер.

«Что?»

Голос Эйли, которая игнорировала слова Дайкина и продолжала говорить, оборвался. Он назвал её по фамилии Блэшер вместо Лизиана. В этом не было ошибки, потому что по законам Империи при вступлении в брак аристократы используют фамилию того, кто выше по статусу. Но в данный момент они обсуждали развод, поэтому не было причин называть её именно так. Кроме того, она только что сказала, что не может иметь детей.

Дайкин снова пробормотал: «Эйли Блэшер», выглядя при этом очень довольным.

— Тебе не нужно ничего знать. Будь то управление поместьем или светский этикет. Если ты хочешь учиться, я найду тебе учителя.

Фиолетовые глаза Эйли задрожали.

— Если тебе сложно управлять феодами или ты не хочешь этого делать, то я буду делать всё сам. И тебе не обязательно входить в это грязное светское общество.

«Чем ты меня сейчас слушал? Ты хоть что-нибудь слышал?»

Эйли была смущена и не могла ничего сказать, только шевелила губами.

— И ребёнок — это, конечно же, хорошо, но нам не обязательно заводить детей, нанося вред твоему здоровью. И, если тебя беспокоит только это, — Дайкин сам пришёл к жизнерадостному

выводу, — тогда нет причин разводиться.

— Это так... Что?

Она назвала так много причин: всё это были проблемы, которые можно было решить лишь разводом. Если бы это была другая семья, то уже первой причины было бы достаточно. Нет, она бы вообще не смогла выйти замуж, потому что родилась без способностей. Все верили, что если Эйли родит ребёнок, то он будет такой же, как она.

Но Кин, который женился на ней, улыбался как самый счастливый и довольный человек в мире.

«...Почему?»

— Есть что-то ещё, кроме этого? Расскажи мне всё. Я выполню любую твою просьбу. Кроме развода, конечно.

Эйли опустила голову. Потому что она боялась, что если будет держать голову прямо, то вот-вот расплечется. Но Эйли не проронила ни единой слезинки. Она ошиблась, думая, что заплачет. Эйли подумала, может быть она также неправильно поняла Дайкина, но это было не так. Поэтому она не могла поднять глаза.

Дайкин нежно обхватил лицо Эйли обеими руками. Его руки были жёсткими, но самыми тёплыми на свете.

— А, и, если ты не хочешь быть женой эрцгерцога, тогда я откажусь от титула.

Глаза Дайкина, смотрящие на неё, были тёплыми, как весна.

«Я считала, что синий — это холодный цвет, а он всегда был тёплым? Неужели этот цвет может так тепло сиять?»

— И у меня много денег, поэтому было бы неплохо уехать на тёплый юг и жить там круглый год.

«Ты отказываешься от титула эрцгерцога? Почему... почему ты это делаешь? Из-за такой, как я. Я бесполезный человек, который ничего не умеет, чем это не причина отказаться от меня?»

Впервые в своей жизни Эйли столкнулась с человеком, который видел в ней её саму, а не смотрел на неё с точки зрения полезности. Было настолько тепло, что её это возмутило. Эйли мысленно обратилась к миру, который создал эту жестокую сцену.

«Это трагедия или комедия для того, кто скоро умрёт?»

Она ничего подобного раньше не встречала, поэтому не могла сказать, трагедия это или комедия. Но одно Эйли знала точно. Для того, кто любит умирающего человека, это трагедия. Если у такого человека не останется власти или чего-либо ещё, это будет ещё более трагично. Она не могла представить, насколько он будет несчастен, если у него даже титула не останется.

— Эйли, так что ты выбираешь?

Если она продолжит настаивать на разводе, то он откажется от титула эрцгерцога.

«Что мне делать? Что же делать...»

— ...Я останусь здесь.

— Хороший выбор.

— Но я хочу предложить кое-что.

Эйли взяла Дайкина за обе руки. Она медленно опустила их и попыталась вырваться. Но Дайкин крепко держал её. Эйли была вынуждена продолжить говорить, держась за руки.

— Я уверена, что ты пожалеешь об этом. О том, что женился на мне из-за того, что обещал это сделать, когда был совсем юным... Чувства легко меняются.

Дайкин окаменел, когда Эйли высказала сомнения по поводу его чувств, но быстро расслабился, ожидая, что она скажет дальше. Эйли взглянула на него и проговорила.

— Я дам тебе время подумать. Один месяц. Я не разозлюсь, если ты захочешь развестись за это время.

Не то, чтобы ему это не понравилось, скорее он был раздражён.

«Почему она так сурова к себе?»

Дайкин слегка нахмурился, услышав предложение Эйли. Но он ничего не мог сделать.

«Если благодаря этим нелепым условиям я смогу удержать Эйли, которая постоянно пытается сбежать...»

Дайкин решительно проговорил.

— Я никогда не разведусь с тобой, Эйли.

Она горько улыбнулась, смотря на уверенного в себе Дайкина. Эйли собиралась рассказать ему всё, если через месяц он не поменяет своего мнения.

«Разведёмся ли мы из-за того, что его чувства изменятся, или расстанемся из-за моей смерти — так или иначе нам не быть вместе».

Как только началось пари, Дайкин медленно улыбнулся и поцеловал её в лоб.

— Я люблю тебя.

Сладкий яд был близко.

<http://tl.rulate.ru/book/52588/1626227>